

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 811.161.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ ИЛИ ВЫДЕЛЕНИЕ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ?

В.А. Косова

Аннотация

Необходимость осмысления проблемы, отражённой в названии статьи, связана с многочисленными содержательно и формально значимыми отличиями научной статьи по гуманитарной тематике от традиционного представления о языке и стиле этого жанра. Эти особенности, выявленные на материале философских статей одного из номеров журнала «Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки», проанализированы под лингвостилистическим углом зрения и проиллюстрированы многочисленными примерами. Сделан вывод о целесообразности выделения в рамках жанра двух его разновидностей: гуманитарной и естественнонаучной статьи.

Непосредственным поводом к написанию этой статьи послужила работа по редактированию текстов статей, представленных для публикации в журнале «Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки». Основные признаки научного стиля чётко определены во многих учебниках и учебных пособиях по культуре речи: это **точность, логичность, доказательность, обобщенность, объективность, строгость** (см., например, [1, 2] и др.). То, что научная статья является жанром научного стиля речи, общеизвестно и не требует доказательств. И хотя представления о том, как устроен тот или иной жанр, очень сильны в сознании носителей языка, ошибочно думать, что для каждого жанра существует свод «писанных правил». Даже в практическом пособии о методике написания магистерской диссертации (при учёте квалификационного статуса жанра диссертации!) изложение этих особенностей носит лишь рекомендательный характер. Однако при этом подчёркивается, что именно языковая культура работы «лучше всего позволит судить об общей культуре её автора» [3, с. 77]. Таким образом, можно говорить лишь о наиболее характерных (прежде всего для письменных жанров) чертах научного языка, обусловленных целями научного текста и спецификой излагаемой информации и закреплённых традицией. Так, требование точности представления информации предопределяет **терминологичность** лексики, **однородность** и **замкнутость лексического состава**, отсутствие разговорных и

просторечных слов и выражений; стремление к обобщению порождает **преобладание абстрактной лексики** над конкретной; установка на объективность изложения предполагает **отстранённость автора** (отсутствие эмоционально-экспрессивной лексики, использование обобщённо-личных и безличных конструкций); требование ясности мысли и логичности её выражения обуславливает **преобладание повествовательных предложений** с прямым порядком слов и однозначной союзной связью между частями сложного.

Однако практика редактирования научных статей **гуманитарного содержания** демонстрирует вполне очевидное расхождение между теоретическим описанием особенностей научного стиля и жанра научной статьи и реальными научными текстами в рамках этого жанра. Сопоставим под этим углом зрения вступительные части двух статей, опубликованных в журналах «Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки» и «Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Естественные науки» соответственно¹.

«Размышлять о бытии – занятие заведомо неблагоприятное: в итоге всё равно останешься наедине с собой с новыми, ещё более тяжкими вопросами. Бытие снова запутает. Бытие, как магнит, манит и притягивает своей мнимой близостью. Значит, мы намагничены своими противоположными полюсами. Действительно, бытие – вечность, полнота, самоосновность, целостность, а Я – брэнность, недостаток, ограниченность, частичность (ряд отрицательных определений МЕНЯ по отношению к бытию бесконечен).

Однако не всегда бытие так уж настойчиво к себе зовёт. Нельзя постоянно вопрошать о бытии хотя бы потому, что надо просто жить. И не всегда случается со-бытие – понимание бытия. Скорее, бытие всегда не понимаешь, и оно начинает злиться своей каверзностью, отталкивать. Но тогда в нас есть и что-то общее. Попробуем поэтому поразмышлять о логике совпадения и несовпадения человека с бытием» [4, с. 5]².

«Нехватка чистой питьевой воды – актуальная экологическая проблема. Поверхностные воды часто бывают загрязнены, и в качестве альтернативного источника питьевой воды рассматривают менее загрязнённые подводные воды. Естественные фильтрационные потоки в насыщенных водой пластах способны переносить загрязнитель на большие расстояния. Поэтому моделирование фильтрационного течения подземных вод в пласте с природным потоком является важным этапом исследования опасности загрязнения подземных вод.

Пусть в пласте, насыщенном водой, где существует постоянный природный поток, имеется водозаборная эксплуатационная скважина и в её окрестности расположен источник загрязнения подземных вод. Приводимый ниже

---

¹ Речь не идёт, разумеется, о качестве сопоставляемых текстов. Отметим также, что в данной статье вообще не содержится никакой качественной оценки цитируемых работ – они служат лишь материалом для рассуждения о стиле и жанре современной гуманитарной научной статьи. Философские статьи выбраны в качестве основного объекта анализа ввиду того, что философия в ряду гуманитарных наук представляется «наиболее гуманитарной».

² Для оформления ссылок на источник, в качестве которого послужили все статьи указанного номера журнала [4], мы используем далее круглые скобки и указываем страницу журнала без фамилии автора статьи и названия источника. Это связано с тем, что объектом анализа и обобщений является феномен гуманитарной научной статьи как таковой, а не индивидуальный почерк того или иного автора.

анализ течения призван ответить на вопрос, попадает загрязнитель в отбираемую чистую воду или нет» [5, с. 100].

Очевидно, что язык и строй второго текста соответствуют критериям научного стиля речи в традиционном его понимании, тогда как стиль первого текста глубоко индивидуален и далёк от каких бы то ни было образцов. При этом свою композиционно-содержательную функцию этот текст, несомненно, выполняет: обрисована научная проблема, показана её сложность и глубина, обозначено направление исследования, равно как и во второй цитате, представляющей собой начало столь характерного для естественнонаучной статьи «Введения» (при разительном расхождении использованных авторами языковых ресурсов и речевых приёмов!). Отталкиваясь от приведённого отрывка как весьма показательного и опираясь на материал других статей по философской тематике [4], определим те языковые особенности современной гуманитарной научной статьи, которые противоречат (в той или иной мере) традиционному представлению о жанре научной статьи.

Номинативные средства, используемые авторами, богаты и разнообразны. При безусловном преобладании книжной лексики и общенаучной терминологии (*рефлексия, интеграция, модус, симбиоз, парадигма* и т. п.) здесь довольно высок процент собственно философских терминов (в приведённой цитате – только *бытие*, но далее и в других статьях – *дуализм, онтология, гносеология, эпистемология, метафизика, пантеизм, интеллигибельный, бытийственный* и др.). Однако примечательно другое: если в естественнонаучных текстах термин, как правило, однозначен, а его семантический объём строго определён или получает определение здесь же, если его синтагматические, парадигматические и деривационные связи детерминированы актуальной для данной области знаний научной парадигмой и закреплены языковой традицией, то в философском тексте термин характеризуется большей свободой употребления, прежде всего деривационной. Это выражается в том, что здесь очень часто термины и приближенные к ним по функции номинативные единицы рождаются (иногда непосредственно в тексте) на базе других терминов или совершенно нейтральных слов, например: *бытиеподобность* (11), *чтойностное* понимание бытия (161), оно становится *грубо-чтойным* (161), *узкосубъектное* понимание человека (162), *конкретно-единичный* человек (187), *человекообразующая* (роль) (19), *сверхвещественно* (о социальном бытии) (46), *междумирие* (мышления) (47), *предпонимание* (47), *бессубъектность* (158), *«располосованные»* (части одного и того же явления) (49), тотальное *«опостмодернивание»* (158) и др.

Бросается в глаза такая яркая особенность некоторых производных, в том числе **неузואльно-авторских слов**, как их **графическое** (с помощью дефиса) **разбиение** на морфемы, точнее, отделение какой-либо из морфем от слова: тезис о принципиальной *де-онтологической* позиции (159), тезис необходимости *де-метафизации* дискурса (159); *онто-практик, онто-творец* (об Аристотеле) (6); принцип объективности (*вне-и-независимо-от-человека-находимости*) (161) и др. Цель такого необычного, идущего вразрез с орфографической традицией членения – представить обособленно и тем самым выделить значения корневой и аффиксальной морфем, т. е. осуществить смысловую акцентуацию, «заставить» проявиться то, что скрыто, стёрто в слове: Тождество бытия и мышления

не является *пред-данным* (6); ...бытие рассматривалось как *само-бытность* человека (10); ...предметность событийна и, следовательно, требует от нас как субъектов *со-знания* участия и усилия нашей деятельности (47) и т. п.

С позиций **дериватики** появление в научных текстах неузуальных слов может быть объяснено целым рядом факторов, в числе которых:

– **конструктивная** и – шире – **текстообразующая** функция словообразования, которая реализуется путём создания текстовых номинаций, в том числе посредством номинализации: Получается, что на время человек отказывается от своей антропологической особенности, в какой-то мере *«расчеловечивается»*. ...*«Расчеловечивание»* может и не состояться... (204).

– **компрессивная** функция, реализующаяся при образовании производного слова на базе словосочетания, состоящего из двух или нескольких слов: Значит, мысля человека бытийствующим, мы и должны увидеть в нём вот эту без-, самоосновность, *ни-из-чего-невыводимость* (11); Ведь если бытие начинает поглощаться принципом объективности (*вне-и-независимо-от-человека-находимости*), то... (161) и др.

– собственно **номинативная** функция словообразования реализуется, как известно, при образовании каждого производного слова, но в некоторых случаях она выходит на первый план, наиболее точно передавая смысл обозначаемого: ...задача создания новой, по существу, «открытой» рациональности (именно – новой, а не *постнеклассической*, преобладающей сейчас, в форме постмодернистских штудий) (51); некое единое образование, которое, на наш взгляд, можно обозначить как *«пред-пол»* (149) и др.

Не вызывает сомнений то, что такие окказионализмы имеют наиболее непосредственное отношение к выполнению языком его когнитивной функции, поскольку они выражают рождённое в рамках научного текста новое знание, «означивают» его, фиксируя в словесной форме. Важно отметить, что это явление имеет устойчивую философскую традицию (вспомним, например, многократно использованный в статьях термин А.Ф. Лосева *чтойность*, выражение М.М. Бахтина *состояние «не-алиби-бытия»*, слова М.К. Мамардашвили *зановорождение* и *само-бытие* и многие другие).

Для постижения глубинного смысла производного слова посредством актуализации его словообразовательной структуры используются разнообразные приёмы, которые требуют специального изучения. Назовём лишь самые яркие из них.

• Переосмысление производного слова в соответствии со стёртой внутренней формой: И хотя у бытия нет *частей*, всё сущее держится нашим *при-чащением*, нашим усилием (всё сущее есть *причастие*) (12); Бытие просачивается в человека. Но оно ничему не *при-частно* (15); *Лишнее* – это всегда чего-то *лишённее* (18).

• Установление семантической связи с омонимичной основой: *лепящий* «онтологическое *велико-лепие*» (6).

• Переосмысление деривата путём придания аффиксу узуально несвойственного ему значения (например, значения совместности в вычленяемом в слове *смысл* префиксе): Онтологический подход к человеку нацеливает человека на озабоченность *с-мыслом* своего существования, на *совпадение* слова и дела

(мысли и бытия) (12); ...мифологическое ощущение *родства* (или, как говорят, *сродства* как родства и *сращения* одновременно) (166).

- «Сталкивание» в рамках фразы или микротекста однокоренных слов, создающее оппозиции производящего и производного, а также оппозиции (иногда антонимического характера) компонентов одного словообразовательного гнезда: Если *ничто ничтожит*... (16); Для культуры характерной является попытка преодоления *границы*, «*граничности*», *о-граниченности* всего (165); *Пустота* может быть вовсе не *пуста* (17) (отметим, что возникающее при этом ощущение тавтологичности фраз ложно, ибо подобная «квазитавтология», вне сомнений, входит в исследовательский инструментарий автора); «предметность живёт в поле между *опредмечиванием* и *распредмечиванием*» (47); Он (человек) – *существо «между-сущее»* (11).

С **непроизводным словом** автор гуманитарного текста работает, как правило, столь же внимательно и глубоко, хотя смысловый потенциал слова, не обладающего формализованной смысловой структурой, вне сомнений, намного беднее. Главным механизмом текстового осмысления подобных номинаций становится **актуализация их парадигматических и синтагматических связей**, а также их описание метаязыковыми средствами. Так, распространена модель представления номинации через уточняющие или альтернативные синонимические ряды: Трактовка института как *образца (модели, шаблона)* поведения сближает этот взгляд с точкой зрения... (73); ...можно обозначить как прогресс научно-технического *характера, типа, образца* (207); Интерпретация – это школа динамического *слияния (сращения, переплетения, взаимопревращения)* (58). Используя специальные графические средства, исследователь может представить лексические единицы с взаимоисключающей семантикой в рамках конфигурации соположенности, отличной от традиционной конструкции с однородными членами, ср.: ...идеология вновь заняла своё законное место *рядом/против науки* (63).

В ряде случаев автор гуманитарной научной статьи может вступить в тексте в «**номинативный диалог**» сам с собой, перечисляя или обсуждая разные варианты, в том числе в форме риторических вопросов: ...обнаруживает себя в пространстве *онтологическом (может быть, корректнее говорить – онтическом?)* (165); Всё стремится нарушить свои границы, *принять форму другого (притвориться? прикинуться? стать другим?)* (165); Важно то, что *любой феномен (человек, культура, философия, мысль, что угодно, хотя, конечно, лукавим: не всё, что угодно)...* утрачивает свою темпоральность (165). Свидетельством такого «диалога» являются также специальные выражения, включённые в текст на правах вводных конструкций или несогласованных определений, которые указывают на **субъективный характер номинации**: Налицо *своего рода образовательный бум* (88); оборачивался... *мягко говоря*, противоречивыми (*если не сказать – плачевными*) результатами (97); Художественная сверхзадача, или, *если угодно*, философско-художественное обобщение, неотделимы... (132); ...такое проникновение, *мы бы сказали*, за «второй экран знаний» зависит в решающей степени от исследователя-историка, *как бы банально это ни звучало* (27).

Сверхважность для гуманитарного текста выбора нужной номинации предопределяет возможность (или даже необходимость) **прямого пояснения** этого **выбора**: ...постмодернистская традиция пытается удержаться в пространстве настоящего, подрывая тем самым саму проблематику времени (*словосочетание «пространство настоящего» неслучайно*) (160); *Время эстетической картины мира – так можно назвать ситуацию*, в которой человечество оказалось сегодня (203); Представитель постмодернистской традиции (пока *повременим называть его философом*) всегда предоставляет нам возможность принять равные правила игры... (159).

Во многих случаях рефлексия учёных-гуманитариев над номинациями связана с **многозначностью** концептуально важных для данного текста слов, которая получает осмысление посредством:

а) прямого указания на наличие у слова нескольких значений или его двусмысленность: ...заметим, что и *«исходность» имеет два смысла* – изначальность и исход, концы и начала опять сходятся (165); ...фиксируя... начало раздвоения пространства на онтологическое и гносеологическое (*отметим двусмысленность самого слова «раскол»*) (160); *Ведь прозападный (читай – американский) характер начавшейся модернизации образования не только не скрывается, но и открыто прокламируется* (98);

б) текстового противопоставления разных значений слова: Трудно, но это единственный способ мыслить. Не *«мыслить что-то»*, а просто *мыслить* (165);

в) подчёркивания необходимости буквального понимания номинации, в том числе – вопреки общепринятой лексической норме (последний пример): ...не содержит в себе «ни грана вещества» и *в этом смысле* сверхчувственна и *буквально мета-физична* (196); *В буквальном смысле «сквозь»* неё виднелась гносеология (161); ...образуя пространство, которое иначе, как словом «нонсенс», определить нельзя (*правда, надо понимать это слово буквально, а не в привычном нам контексте: «отсутствие смысла» в его жёсткой форме...*) (167).

Формальным показателем подобной «номинативной рефлексии» служат в тексте кавычки и использование заглавной буквы. Так, в кавычки может быть заключён ещё не устоявшийся или созданный по случаю (окказиональный) термин: Современное же *«идеологоведение»* в России страдает тем, чем «болела» интеллектуальная история на Западе в 60–70-е годы прошлого столетия... (64). В гуманитарном научном тексте заглавная буква и кавычки служат также сигналом переосмысления действительных слов, заключающегося в наделении их номинативной функцией, что обусловлено здесь спецификой объекта исследования (человек, представляемый в виде *Я, Ты, Другой* и т. п.): с *Самим Собой* (63), ориентация на *Другого* (118); Здесь «Я» выражается через «Мы» (120); Человек как *Единица* онтологически неопределяем (162); Необходимо впасть в такое состояние, когда я смогу рассматривать мир и самого себя как нечто *Одно, Единое* (13); Он всегда на грани бытия и вещиности, *Нечто* и *Ничто*, может развернуться во *Всё* и свернуться в *Ничто* (11).

Итак, выявленные особенности гуманитарно-научного текста, связанные с номинативным и деривационным творчеством исследователей, **обусловлены содержанием и методологией** гуманитарных научных изысканий и не остав-

ляют сомнений в эффективности лингвистического подхода как одного из механизмов научного поиска в этой области знаний. Все прочие несоответствия общепринятому представлению об «идеальной» по форме научной статье, зафиксированные нами в проанализированных источниках, относятся к сфере стилистики и могут быть сведены к **иностилевым вкраплениям** в научный текст. Перечислим и проиллюстрируем их примерами – пока без каких бы то ни было комментариев.

Начнём с включения в научный текст **элементов сниженных стилей**. Это, например, **разговорные лексемы и фразеологизмы**, ср.: Отсюда задача уличить соблазнительницу в обскурантизме и дистиллировать, наконец, из «всей этой дряни», что она *нагородила*, крепко *стоящую на своих двоих* науку (59); ...мы выходим на уровень целостностей, целостности личности, а не «раздёржанных» субъектов деятельности... (53); Книга одним фактом своего существования «напрашивается» на то, чтобы... (104); Их некуда «подвесить»... (о концепциях и теориях прошлого); Между тем такие «вешалки» сегодня есть... (64); ...*педалируется* эстернизация ценностей... (63); *Право*, напрасно пересмешник из Фрибурга утверждает, что... (65). Отмечено также использование **просторечной лексики**, которая в тексте может быть маркирована графически (с помощью кавычек): *Навроде* мелкой буржуазии (59); ...в парадигматическом плане мы можем удерживать «*враз*», по крайней мере, несколько различных модусов, реализовывать их (48); из «всей этой дряни» (59). Кроме того, здесь выявляются некоторые **черты разговорного синтаксиса**: это, например, именительный падеж в абсолютном начале высказывания с коррелятом-местоимением [6, с. 163]: *Современный университет – он* разный (91); использование приёма добавления [6, с. 155] (при этом в приводимом примере вербализуется знак препинания, что усиливает разговорную окрашенность высказывания): Поэтому предлагаю, пусть опять же в качестве игры, принять тезис, высказанный в античном стиле: постмодернистская философия есть. *Точка* (159).

Изредка в исследуемых текстах встречаются **пословицы и поговорки**, характеризующиеся большей склонностью к употреблению в речевом обиходе: ...массовое сознание и явления, близкие ему, не дают исследователю в готовом, «удобном» виде, «*на блюдечке с голубой каёмочкой*» информацию, прошедшую весь путь... (108); солдаты принимают смерть, которая «*на миру красна*» (195); ...убедить самого предвзятого скептика в истинности пословицы «*Что немцу – за здорово, то русскому смерть!*» (97).

Другой источник цитации, к которому учёные-философы прибегают довольно часто, – это лингвокультурный феномен, известный под названием **прецедентные тексты**, т. е. точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным, ранее произведённым текстам, значимым для данного языкового сообщества. Значение прецедентного текста, как правило, складывается из трёх компонентов: общезыкового значения фразы; контекстного смысла, унаследованного из текста-источника; приобретённых смыслов, развивающихся в процессе функционирования данного выражения в речи [7, с. 347]. Наиболее органично такие явные или скрытые цитаты вписываются в публицистические и художественные тексты, они являются ярким средством выразительности также в разговорной речи. В анализируемых статьях

ях представлены прецедентные тексты в виде «крылатых слов» и разного рода цитат из произведений художественной литературы и других известных культурно-исторических источников: Память всегда эстетизирует: *всё мгновенно, всё пройдёт, что пройдёт, то будет мило* (205); И в таком контексте пустота может восприниматься как некая плотность, наполненность – *«сгусток пустоты»*, как у И. Бродского (17); Это «оппортунистическая» поправка В. Ленина, смысл которой (обратимся тут к образу одного из лучших скальдов современности В. Пелевина) заключается в *«алхимическом браке»* между наукой и идеологией (62); ...глупо не попробовать понять, *по ком звонит колокол* (168); Всё прошедшее, отложившееся в явлениях, событиях, процессах, персонажах *«давно минувших дней»*, начинает проникать в содержание тела былого... (21); ...а *рукописи* хотя и *горят*, но часть уцелела и интерес этот удовлетворить готова (103); Отказ от логоса можно трактовать как попытку возврата (интуитивный возврат, или *возвращение блудного сына*) в пространство «софос» (164); *«Подставь другую щеку»* означает остановить зло на самом себе (17). Это также цитаты из песен: Уже без объектива становится видно, что *«на нейтральной полосе цветы необычайной красоты»* (195); Память о Победе предстоит хранить людям, которые не видели войны: *«всё, что было не со мной, помню»* (205); *«Там, за онтологическим поворотом...»* (157) (название статьи). Кроме того, это ссылки на известные рекламные тексты и использование каких-либо других фраз, вызывающих вербально-культурные ассоциации: Помните тупое рекламное «это не только»: *«Ваниш» – это не только отбеливатель*. А что ещё? (165); В общем, узнай себя другого. И *найди десять отличий* (166).

Печатью явной **публицистичности** отмечены и такие **приёмы экспрессивизации текста**, как риторическое восклицание: *Но кто знает, в каком направлении идёт сметание этой границы!* (162), а также риторический вопрос, который может сопровождаться иронией: Героический пессимизм ... находится в отношении дополнительности к «пантеизму, поклоняющемуся действительности» (выраженному в том же «Архиерее, почему нет?») ... (135); *Что остаётся гуманитарно?* (65); *Зато есть куда стремиться поколениям учёных, верно?* (66).

В философских статьях можно встретить языковые средства высокого стиля, иногда **архаические**. В лексике это, например, метафорически нагруженные архаизмы *«десница»*, *«шуйца»* (кавычки маркируют здесь переносно-образное значение слов), устаревший союз *поелику*: В *«деснице»* крепко и привычно зажато страдание, *«шуйца»* же ответственна за очищение... (135); Их некуда «подвесить», *поелику* культурный и социополитический контексты при этом не реконструируются (64). В единичных случаях здесь могут быть использованы и устаревшие грамматические формы: Она всегда есть система «двойного кодирования», понимаемая и как игра (*положимте*, что так), и как... (159).

Ещё один элемент своеобразия жанра гуманитарно-научной статьи связан с возможным присутствием здесь авторского «я». Вспомним, что отражённый в учебных пособиях по культуре речи канон предписывает нам максимальную демонстрацию отстранённости автора, поскольку считается, что это отражает объективность излагаемой информации. В современном гуманитарном тексте присутствие авторского «я» отнюдь не исключено, особенно в монографиях.

В анализируемых статьях это также возможно: на фоне привычного академического «мы», использования обобщённо-личных и безличных конструкций (*нам* ещё предстоит вернуться к этому... (158); То, что *мы* называем здесь «привнесённым ориентиром», призвано... (112); *Думается*, что сами принципы теоретичности... (159) и т. п.) в той же самой статье индивидуально-авторское «я» может быть обозначено как прямо – местоимением 1-го лица единственного числа, так и косвенно – перифрастическим выражением: ...*хотя я бы остереглась* обвинять постмодерн в недиалектичности (159); ...*скромного автора данного опуса* удивляет... (158).

Итак, отклонения от сложившегося представления о «стандартах» жанра научной статьи существуют, и они не столь единичны, чтобы считать их случайностью, обусловленной индивидуальностью стиля какого-либо из авторов (сходные в стилистическом плане явления обнаруживаются также в статьях, опубликованных в авторитетнейшем журнале «Вопросы философии», один из последних номеров которого был также проработан нами под соответствующим углом зрения [8]). Это объясняется, главным образом, оппозицией гуманитарного научного познания негуманитарным явлениям (естественной науке, технической культуре и т. п.). Ведь объект изучения гуманитарной науки – духовные и культурные явления, так или иначе связанные с человеком и обществом. И если знания естественных наук рассматриваются как объективные, фиксирующие вечные законы природы, то «знания гуманитарных наук считаются рефлексивными, это знания о самих знаниях (мысль о мыслях, тексты о текстах и т. д.)» [9, с. 302–303]. Поэтому для гуманитария, как утверждает В.М. Розин, «характер изучаемого объекта и понимание возможностей использования гуманитарных знаний соотносимы с его собственной личностью, идеями, методологией» [9, с. 305]. Следовательно, в гуманитарном дискурсе огромное значение придаётся интерпретации, допускается много разных подходов в изучении, что влечёт за собой разные варианты гуманитарного знания и теорий, объясняющих одни и те же факты. Даже предельно конкретизированный исторический материал, как известно, не исключает возможности альтернативных теоретических осмыслений, что тем более верно по отношению к Человеку как объекту исследования психологии, педагогики, философии и других гуманитарных областей знания. Абсолютно иное, в отличие от естественнонаучного дискурса, использование гуманитариями языковых средств, объясняется тем, что язык служит для них не только средством оформления и закрепления знаний, но и органом постижения мира, или, по Гумбольдту, «орудием мыслей и чувств». В философском научном поиске языку придаётся совершенно особое значение: В.Д. Губин, например, утверждает, что для нового понимания здесь нужен особый язык – художественный, поэтический, ибо только такой язык способен выразить не выражаемое в строгих научных понятиях и определениях. Не случайно в языке философских сочинений столь значима метафора: «Это не просто языковой приём, служащий для украшения или разъяснения, не нечто избыточное, а скорее стиль движения, способность удержать мысль в состоянии становления. ...Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [10, с. 33–34].

Итак, изложенные выше размышления о специфике гуманитарно-научных текстов приводят к выводу о наличии двух разновидностей жанра научной статьи. «Идеальный» жанрово-стилистический портрет, представленный в современных учебниках по стилистике и культуре речи, отражает, как следует из наших рассуждений и практики редактирования научных статей, специфику естественнонаучного текста. Гуманитарная статья отличается «присутствием» в тексте человека – автора с присущей ему картиной мира и системой ценностей и предполагаемого читателя-оппонента; для неё нехарактерна «безаппеляционность», безоговорочность изложения; поиски истины и ход исследования зачастую неотделимы здесь от языкового творчества автора. Именно поэтому в текстах проявляется индивидуальный почерк учёного, поэтому в них возможно использование экспрессивно-выразительных средств, характерных в большей степени для публицистического стиля. Их выбор, допустимость и соотношение стилистически возвышенных и сниженных единиц, возможность использования неологизмов, в том числе окказиональных номинаций, и архаизмов – всё это определяется, главным образом, **целевой направленностью** гуманитарного научного изложения и регламентируется **языковым и стилистическим чутьём** автора.

Summary

V.A. Kosova. Transformation of the genre of scientific article or genre specification?

The necessity of the study of the problem named in the title of the article is connected with the numerous differences significant in the sense both of form and contents between a scientific article of humanitarian thematics and the traditional idea of the language and the style of this genre. These peculiarities exposed on the data of the philosophic articles of a number of “Scientific Notes of Kazan State University: Social Sciences” are analyzed from the linguostylistic point of view and illustrated by numerous examples. It is stated reasonable to distinguish two types within the limits of the genre: humanitarian and scientific article.

Литература

1. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.* Русский язык и культура речи. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2003. – 544 с.
2. *Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.* Русский язык и культура речи. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 440 с.
3. *Кузин Ф.А.* Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. – М.: «Ось-89», 1999. – 304 с.
4. Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148, кн. 1. – 208 с.
5. Учёные записки Казанского государственного университета. Серия Естественные науки. – 2006. – Т. 148, кн. 4. – 187 с.
6. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Рус. яз., 1987. – 240 с.
7. *Сидорова М.Ю., Савельев В.С.* Русский язык и культура речи. – М.: Проект, 2002. – 432 с.
8. Вопросы философии. – 2007. – № 1. – 192 с.

9. *Розин В.М.* Психология: Наука и практика. – М.: РГГУ: Омега-Л, 2005. – 544 с.
10. *Губин В.Д.* Философия: актуальные проблемы. – М.: РГГУ: Омега-Л, 2005. – 370 с.

Поступила в редакцию
05.02.07

Косова Вера Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.